

Предисловие редактора-составителя

МАРИЯ А. ЕРОФЕЕВА¹

РАНХиГС; МВШСЭН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-0874-5272

Семиотика для всех социологических целей²

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-8-17

8

Социология, то ли вследствие своей молодости, то ли из-за врожденного FoMO³, развила в себе привычку смотреть в сторону своих старших коллег, других дисциплин. Вероятно, с ней связана склонность социологии поворачивать: сначала мы повернули к языку, затем — к практике, а теперь переживаем «поворот к материальному» (со всей тяжестью заимствованного из психологии поня-

1 Ерофеева Мария Александровна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра социологических исследований РАНХиГС, доцент факультета социальных наук МВШСЭН. Научные интересы: микросоциология, мультимодальный конверсационный анализ, социология технологий, акторно-сетевая теория. E-mail: erofeeva-ma@ranepa.ru

Erofeeva Maria Aleksandrovna — Candidate of Sociological Sciences, Researcher at the Center for Sociological Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Senior Lecturer of the Faculty of Social Sciences of the Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES). Research interests: microsociology; multimodal conversation analysis; sociology of technology; actor-network theory. E-mail: erofeeva-ma@ranepa.ru

2 Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы Центра социологических исследований РАНХиГС «Роль любительских сообществ в развитии технологий: от практик использования к построению техноутопии» (2023).

Acknowledgments: This text was prepared in the context of the research project “The role of amateur communities in the development of technologies: from practices of use to the construction of techno-utopia” (2023) conducted by the Center for Sociological Research, RANEPa.

3 FoMO (англ. Fear of missing out) — состояние тревоги, связанное с опасением упустить что-то значимое или интересное.

тия аффорданса)¹. Кажется, что нашей дисциплине никак на месте не сидится: *а вдруг там у них что-то такое классное придумали, и нам тоже надо?*

Семиотика часто представлялась чем-то классным для социологии. Неудивительно, ведь, согласно заветам Вебера, объект нашего изучения существенно отличается от объектов естественных наук. Люди *осмысляют* свою деятельность, а операции интерпретации и тем более коммуникации не обходятся без знаков. Американская семиотика в лице прагматистской философии дала социологам ресурсы для аргументации *особенности* человеческого поведения (по сравнению с поведением животных или процессами в физическом мире). Так, Дж. Г. Мид, находившийся под влиянием прагматизма, предлагает концепцию *символического* взаимодействия, где под символом понимается особый присущий только людям тип знака — такой, смысл которого может быть отделен от жеста, его производящего. Эта концепция впоследствии легла в основу такого микросоциологического направления, как символический интеракционизм. В целом прагматистская идея о том, что мышление и коммуникация опосредованы знаками, широко разошлась по всей американской микросоциологии.

9

По другую сторону Атлантики семиотические идеи были восприняты менее буквально, зато получили гораздо более широкий охват. Несмотря на то что предложенная Ф. де Соссюром семиология была отнесена им к области социальной психологии, социологи нашли, на что позариться. Собственно, источником вдохновения стало фундаментальное соссюровское различие между языком и речью. Язык как система знаков был объявлен Соссюром чисто социальной сущностью, тогда как речь — не более чем индивидуальными (т. е. незначимыми) проявлениями языка. Это различие породило целую модель мышления: одна из сторон различения может быть признана несущественной, в то время как другая возведена на пьедестал. Весь структурализм в социологии и антропологии строится на этой модели — поиске скрытых социальных структур, которые объясняют их наблюдаемые, но поверхностные проявления, например, суждения вкуса при должном анализе могут обнажить механику работы габитуса и устройство социального пространства [Bourdieu 2010].

Ровно этот же редукционистский прием впоследствии будет использован теоретиками поворота к практике, вдохновленными идеями Витгенштейна о том, что язык — это то, как он использу-

1 Не говоря уже о множестве не столь крупных поворотов, как то: реляционный, воплощенный или поворот к мобильности.

ется. Эта логика позволяет любую структуру редуцировать к конституирующим ее практикам. На мой взгляд, наилучшим образом она зафиксирована в формуле, предложенной Л. Сачмен, — «планы и ситуативные действия» [Сачмен 2019]. Сачмен, антрополог техники и этнометодолог, изучала, как люди пользуются копируемыми аппаратами в Хегох Research Park, где показала, что есть планы инженеров, которые спроектировали «ксерокс», и ситуативные действия пользователей, которые зачастую идут вразрез с этими планами. Вывод напрашивается: в реальности, в ситуации никаких планов нет, а есть только ситуативные действия. Политический ученый Дж. Скотт, весьма далекий от этнометодологии, в своем исследовании государственного планирования показывает, что подобная логика работает и на гораздо большем масштабе [Скотт 2005]. Иными словами, нужно обращать внимание на практики реализации государственных проектов, а не на то, как они были задуманы.

10 Помимо влиятельной эпистемологической модели, идеи, заимствованные из континентальной семиотики, философии языка и вдохновленных ими направлений, также вторглись в то, как концептуализируется сама онтология социального. Гипотеза лингвистической относительности трансформировала классические модели репрезентации, в результате чего появился отдельный от социального регион дискурса, автономная Империя знаков, если воспользоваться формулировкой Б. Латура [2006: 130]. Последствия этих «семиотических переворотов» [Там же: 129-132] имеют огромный масштаб: на институциональном и методологическом уровнях — более тесное сотрудничество между социологами, политологами и лингвистами, приведшее к формулированию теории и методологии анализа дискурса; на теоретическом — необходимость соотносить исследуемые социальные феномены (включая практики) с дискурсивными.

Семиотика оказала фундаментальное влияние на развитие социологии: способствовала изменению дисциплинарной аксиоматики и появлению новых моделей мышления, а также помогла аргументировать исключительность человеческой социальности. Можно даже сказать, что социология — глубоко семиотическая дисциплина. Понятие знака и конституирующее его отношение репрезентации легли в основу теории и эпистемологии социальных наук.

Семиотические идеи по-прежнему являются источником вдохновения для социологов и антропологов. Микросоциология, постструктурализм, дискурсивные исследования, лингвистическая антропология, витгенштейнианская теория действия, акторно-сетевая теория — все эти направления так или иначе пересматривают наследие семиотики.

В этом выпуске мы сконцентрируемся на двух современных подходах, вдохновленных семиотикой, — мультимодальном конверсационном анализе (МКА) и акторно-сетевой теории (АСТ), точнее — на ее части, материальной семиотике. АСТ — направление, созданное для понимания науки и технологий и флагман поворота к материальному. МКА, выросший из конверс-анализа, — это теория, в центре которой находится мультимодальность человеческого взаимодействия, т.е. указание на то, что локальные цели взаимодействующих достигаются посредством множества воплощенных (embodied) семиотических ресурсов (не только языка, но и жестикуляции, просодии, направления взгляда и т.д.).

Несмотря на, казалось бы, огромную дистанцию между этими двумя подходами, можно заметить любопытные пересечения. Так, в представленном переводе Латур цитирует известную этнометодологическую статью про открытие оптического пульсара [Garfinkel, Lynch, Livingston 1981], для того, чтобы проиллюстрировать, что воплощенная работа ученых побуждает еще неизвестные сущности проявлять свои свойства и тем самым позволяет наделять их агентностью — совокупностью атрибутов, которые характеризуют «независимый галилеев пульсар» как феномен астрономии. Гудвин, в свою очередь, в своем исследовании телесной работы археологов подчеркивает, что действие строится из материалов разного типа, и научные инструменты вроде лопатки или карты привносят в него свойства, недостижимые только с помощью речи и жестов. В целом публикуемый перевод представляет собой краткое введение в МКА и, шире, в теорию ко-операционного действия [Goodwin 2018; Колядов 2019]. Гудвин описывает действие как процесс, в котором отдельные действия и сами акторы трансформируются в ответ на динамику ситуации, для того чтобы поддержать публичную осмысленность этих действий. Так осуществляется переплетенный семиозис (intertwined semiosis): действие строится с помощью материалов разного типа акторами с комплементарными свойствами.

Переключка между Латуром и Гудвином вызвана не схожестью задействуемых ими семиотических концепций, а тем, что они используют семиотику для решения классической социологической проблемы — концептуализации действия. В частности, оба ищут способы адекватного описания роли материальных объектов в социальных взаимодействиях. В АСТ предлагается наглядная точка зрения, что любой актор может быть развернут в сеть, т.е. связан с другими акторами/местами/временами определенными путями. Мы можем посмотреть на «профиль» каждого конкретного актора (например, Пастера), а можем и масштабировать на уровень сети [Latour et al. 2012]. Если АСТ интересуется соединениями между местами, то в центре внимания МКА находятся сами эти места и люди, их населяющие. Так, научные

приборы рассматриваются Латуром и Вулгаром как «записывающие устройства» [Latour, Woolgar 1986], делающие научное знание транспортабельным (сложно принести на конференцию исследуемые образцы почв, зато это гораздо проще сделать с таблицами, описывающими их свойства). В противоположность этому взгляду Гудвина волнует, как научные приборы структурируют жизненный мир тех, кто их использует. Так или иначе, логика кросс-дисциплинарного трансфера подчиняется практической задаче концептуализации агентности материальных объектов. Латур заимствует из семиотики А. Греймаса только одну из четырех модальностей (знать, хотеть, мочь, *обязывать*), чтобы концептуализировать принудительную, дисциплинирующую силу вещей [Høstaker 2005]; Гудвин адаптирует триаду знаков Пирса (иконы, индексы, символы) таким образом, что индексы приобретают в ней главенствующую роль, поскольку именно они обеспечивают связь между действиями (индексальная инкорпорация) [Goodwin 2018].

12

Поскольку у социологии на повестке всегда стоят практические (теоретические) задачи, уже заимствованные и трансформированные модели из семиотики снова трансформируются и настраиваются на их решение. Этот процесс можно сравнить с «бесконечным семиозисом» Пирса [Peirce 1931]: каждая интерпретанта становится знаком, который тоже интерпретируется, и эта новая интерпретанта становится следующим знаком, и так до бесконечности. В этом выпуске мы предлагаем сделать остановку на определенной фазе этого процесса и рассмотреть, как происходит трансфер семиотических моделей в названных теоретических направлениях и как представления о знаках и знаковых системах могут быть продуктивно задействованы для концептуализации социальных феноменов и проведения эмпирических исследований.

Материальная семиотика — обозначение способа переноса семиотических инструментов на материальный мир для описания «человеческих и не-человеческих ансамблей» [Akrich, Latour 1992]. В текстах, в которых этот способ был предложен Латуром и М. Акриш [Akrich 1992; Latour 1992], речь идет об описании *материальных артефактов*, т. е. индивидуальных объектов/технологий (дверной доводчик, лежащий полицейский, комплект фотоэлектрического освещения). Это «вырезает» материальную семиотику из корпуса исследований АСТ как отдельную область, отличную от исследований науки¹. Однако в так называемой Ланкастерской ветви АСТ, или

1 Неслучайно в своем последнем крупном теоретическом труде Латур рассматривает науку и технику как отдельные модусы существования [Latour 2013].

пост-АСТ¹ (Дж. Ло, А. Мол, В. Синглтон и др.), понятие приобретает расширительное и эпистемологическое значение как способ рассмотрения любых феноменов в качестве эффекта сетей отношений [Law 2009]. Кирилл Петров показывает, как разница в понимании материальной семиотики приводит к различиям в концептуализации того, как социальные теоретики должны работать с неопределенностью и беспорядком. Автор обосновывает свой анализ с помощью рассмотрения эпизодов взаимодействия в Центре помощи детям и взрослым с ментальными и физическими нарушениями, которые иллюстрируют, как сами акторы справляются с неопределенностью, то ограничивая, то усиливая ее. В тексте Максима Малькова продолжается анализ различий между версиями АСТ и аргументируется, что из-за различий в теоретических моделях в пост-АСТ внимание смещается с анализа роли материальных объектов к анализу их пространственно-темпоральных осуществлений. Автор настаивает на необходимости темпорального измерения в пост-АСТ и реконцептуализирует пространства потоков и огня как темпоральные концепты. Наконец, в статье Евгения Быкова материальная семиотика используется как ресурс для концептуализации феноменального опыта людей с вживленными в тело магнитными имплантатами. На основании нарративов «киборгов» автор описывает, как осуществляется и *интерпретируется* ассоциация «Я/магнит».

13

Способ заимствования семиотических моделей в АСТ переопределяет одну из функций, которую выполняла семиотика в начале XX века, — обосновать особенность человеческой социальности. АСТ размыкает границы Империи знаков и применяет семиотические принципы к материальному миру. Это не сводится к тезису о том, что вещи имеют значение; скорее, объекты науки и технологии опосредуют человеческое действие определенным образом, для описания которого язык семиотики оказывается очень даже подходящим. Тем самым семиотические модели, ранее адаптированные в социологии для аргументации уникальности человеческого поведения, начинают распространяться на не-человеческий мир.

Причем эта тенденция характерна не только для АСТ. Михаил Белов обвиняет Латфура в поспешности: приравнивая комплексную (в отсутствие объектов) социальность людей и обезьян [Латфур 2006], тот переходит к миру вещей, «пропуская» логическое звено, которое необходимо для объяснения сходств и различий между человеком и животным. В статье проводится обзор существующих направлений, в которых семиотические ресурсы используются для концептуализации животной социальности: культурная антропология,

1 Наименование связано со сборником [Law, Hassard 1999].

лингвистика и семиотика животных, конверсационный анализ. Несмотря на то что функция трансфера из семиотики меняется, автор подчеркивает, что существующие способы концептуализации не способны справиться с *отличием* животного мира от человеческого и часто прибегают к неудовлетворительному переносу семиотики людей на биосемиотику. В созвучном ключе Илья Утехин предпринимает историческое исследование истоков МКА и демонстрирует, что далеко не любые семиотические и кибернетические идеи оказались продуктивными при их переносе в область исследования человеческого поведения. Фиксация всех деталей невербальной коммуникации породила море описательных данных, путеводной звездой в котором оказался анализ внимания самих участников коммуникации. Иными словами, пока не было признано, что производство и интерпретация знаков — это практика взаимодействующих, а не решение аналитика, семиотика не могла принести плодов в область исследования невербальной коммуникации. Это еще раз подчеркивает, что логика трансфера семиотических моделей в социологию связана с теми теоретическими задачами, которые решаются в дисциплине в данный момент.

14

Блок статей завершается текстом Андрея Серикова, в котором тестируется потенциал теоретических ресурсов психологии К. Левина и биосемантики Р. Милликэн для объяснения типичных форм человеческого поведения. Биосемантика, в отличие от биосемиотики, интересуется не тем, как знаковая деятельность осуществляется в природном мире, а тем, как вполне человеческие структуры (язык) возникают и закрепляются в процессе эволюции [Millikan 2018]. Несмотря на то что это направление далеко от социологии, в контексте нашего выпуска оно указывает на еще одну функцию теоретического импорта из семиотики — поиск новых метафор. В микросоциологии закрепилось представление о том, что люди населяют общий интересубъективный мир, который они видят более-менее одинаково благодаря общности социального опыта [напр., Шюц 2004]. Милликэн с ее понятием уницепта бросает вызов этой фундаментальной идее: нет никаких универсальных концептов, коллективных представлений — одни и те же вещи мы видим по-разному. Если с этой точки зрения посмотреть на социальный мир, возможно, станут яснее особенности технически-опосредованной коммуникации, когда общность мира может быть подвергнута сомнению (например, из-за технических настроек и лага участники видеоконференции могут видеть и слышать различные вещи) [Seuren et al. 2021].

Выпуск закрывают две рецензии, каждая из которых отсылает к интересующим нас подходам. Наталия Волкова аргументирует, что книга С. П. Баньковской по социологии маргинальности может быть

рассмотрена как «зеркало европейской социальной мысли и, прежде всего, последней волны исследований науки и технологий» (частью которой можно считать материальную семиотику), и сама использует методологические ресурсы АСТ для подготовки рецензии. Алексей Воронков анализирует логику работы лингвистического антрополога¹ П. Кокельмана, который с помощью семиотики Пирса пытается примирить «физиков и лириков». Разница между рецензируемыми книгами и направлениями снова преодолевается за счет того, что их авторы решают вечные для социальных наук вопросы, в частности вопрос о статусе социальных и гуманитарных наук по отношению к точным и естественным. Идея Кокельмана о том, что они обладают разными семиотическими онтологиями, отражается в способе анализа Волковой: постулируемый Баньковской статус социологии как Чужака по отношению к естественным наукам она рассматривает в качестве проводника семиотического обмена между ними. Кроме того, рецензенты, не сговариваясь, предлагают смотреть на чтение книги как на дрейф по ландшафту или путешествие.

Этот выпуск, как слепок определенной фазы в процессе трансфера семиотических моделей в социологию, надеюсь, сам станет толчком для дальнейшего семиозиса и поиска неожиданных пересечений.

15

Библиография / References

Коллектив авторов (2023). Форум: Лингвистическая антропология. *Антропологический форум*, 58: 12-189.

— Authors' team (2023). Forum 58: Linguistic Anthropology. *Antropologicheskij forum*, (48): 12-189. — in Russ.

Колядов Д. М. (2019) Рец. на кн.: Charles Goodwin. Co-operative action. NY: Cambridge University Press, 2018. 521 p. *Антропологический форум*, (42): 231-241.

— Kolyadov D. (2019) A Review of Charles Goodwin. Co-Operative Action. NY: Cambridge University Press, 2018, 521 p. *Antropologicheskij forum*, (42): 231-241. — in Russ.

Латур Б. (2006) *Нового времени не было*, СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге.

— Latour B. (2006) *We Have Never Been Modern*, Saint Petersburg: EUSP Press. — in Russ.

Латур Б. (2006) Об интеробъективности. В. С. Вахштайн (ред.). *Социология вещей*, М.: Изд. дом «Территория будущего»: 169-198.

1 Лингвистическая антропология — область, в которой речевые практики рассматриваются как социальные действия, и в этом смысле она родственна, если не синонимична МКА. См. недавнюю дискуссию в: [Коллектив авторов 2023].

— Latour B. (2006) On interobjectivity. *Sociology of Things*, М.: «Territoria budushchego» Press: 169-198. — in Russ.

Сачмен Л. (2019) *Реконфигурации отношений человек–машина: планы и ситуативные действия*. М.: Элементарные формы.

— Suchman L. (2019) *Human-Machine Reconfigurations: Plans and Situated Actions*, Moscow: Elementary Forms. — in Russ.

Скотт Дж. (2005) *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*, М.: Университетская книга.

— Scott J. (2005) *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition have Failed*, Moscow: University Book. — in Russ.

Шюц А. (2004) *Избранное: Мир, светящийся смыслом*, М.: РОССПЭН.

— Schutz A. (2004) *Selected Papers: A world glowing with meaning*, Moscow: ROSSPEN — in Russ.

Akrich M. (1992) The De-Scriptio of Technical Objects. Wiebe E. Bijker and John Law (eds.) *Shaping Technology/Building. Society Studies in Sociotechnical Change*, Cambridge, Massachusetts; London: The MIT Press: 205-224.

Akrich M., Latour B. (1992) A Summary of a Convenient Vocabulary for the Semiotics of Human and Nonhuman Assemblies. Wiebe E. Bijker and John Law (eds.) *Shaping Technology/Building. Society Studies in Sociotechnical Change*, Cambridge, Massachusetts; London: The MIT Press: 259-264.

Bourdieu P. (2010). *Distinction*, London: Routledge.

Garfinkel H., Lynch M. & Livingston E. (1981) The Work of a Discovering Science Construed with Materials from the Optically Discovered Pulsar. *Philosophy of the Social Sciences*, 11(2), 131-158.

Goodwin C. (2018) *Co-operative action*, Cambridge: Cambridge University Press.

Høstaker R. (2005) Latour — Semiotics and Science Studies. *Science Studies*, 18(2): 5-25.

Latour B., Woolgar S. (1986). *Laboratory life: the construction of scientific facts*, Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Latour B. (1992) Where Are the Missing Masses? The Sociology of a Few Mundane Artifacts. Wiebe E. Bijker and John Law (eds.) *Shaping Technology/Building. Society Studies in Sociotechnical Change*, Cambridge, Massachusetts; London: The MIT Press: 225-258.

Latour B. (2013) *An Inquiry Into Modes of Existence*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Latour B., Jensen P., Venturini T., Grauwin S., Boullier D. (2012). “The whole is always smaller than its parts”: a digital test of Gabriel Tardes’ monads. *The British journal of sociology*, 63(4): 590-615.

Law J. (2009) Actor-network theory and material semiotics. Bryan S. Turner (ed.) *The New Blackwell Companion to Social Theory*, Oxford: Blackwell.

Law J., Hassard J. (1999) Actor-network theory and after. John Law and John Hassard (eds.) *The Sociological Review*, 47(S1).

Millikan R. G. (2018) Biosemantics and Words that Don't Represent. *Theoria*, 84 (3): 229-241.

Peirce Ch.S. (1931) *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*, Vol. 5. Cambridge [Mass.]: Harvard University Press.

Seuren L. M., Wherton J., Greenhalgh T., Shaw S. E. (2021) Whose turn is it anyway? Latency and the organization of turn-taking in video-mediated interaction. *Journal of Pragmatics*, 172: 63-78.

Рекомендация для цитирования:

Ерофеева М. А. (2023) Семиотика для всех социологических целей. *Социология власти*, 35 (2): 8-17.

For citations:

Erofeeva M. A. (2023) Semiotics for All Sociological Purposes. *Sociology of Power*, 35 (2): 8-17.

Поступило в редакцию: 27.06.2023; принято в печать: 30.06.2023

Received: 27.06.2023; Accepted for publication: 30.06.2023